

Особенности интрагруппового структурирования и межличностного восприятия в реальных контактных и виртуальных группах волонтеров

М. Ю. Кондратьев

*доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО,
декан факультета социальной психологии Московского городского
психолого-педагогического университета*

О. А. Любимова

*педагог-психолог управления методического обеспечения
службы практической психологии образования
Московского городского психолого-педагогического университета*

В статье в развернутой форме изложены результаты эмпирического исследования особенностей интрагруппового структурирования и межличностного восприятия в трех типах групп, различающихся по степени виртуальности — реально функционирующие группы волонтеров, в относительной степени виртуальные группы волонтеров и в максимальной степени виртуальные группы волонтеров. При этом показано, что степень виртуальности подобных сообществ в определяющей мере задает и характер неформальной интрагрупповой структуры, и специфику самооценок в таких группах. Принципиально важной позицией, высказываемой и аргументируемой в настоящей статье, является то, что в континууме «реально функционирующая контактная группа — в максимальной степени виртуальная группа» в социально-психологическом содержательном плане качественно значимую «срединную» позицию занимают в относительной степени виртуальные группы. Кроме того, степень виртуальности просоциально направленных и деятельностно ориентированных групп волонтеров в решающей степени обуславливает и специфику сплоченности подобных сообществ.

Ключевые слова: виртуальная группа, интрагрупповое структурирование, межличностное восприятие, статус, аттракция, референтность, неформальная власть, качество «окончательного вывода».

Актуальность заявленной тематики исследования обусловлена целым рядом обстоятельств. Прежде всего она связана с тем, что сегодня, когда все более расширяются и содержательно углубляются возможности и формы человеческого взаимодействия, особую значи-

мость приобретают именно психологические исследования, в том числе и социально-психологического характера, позволяющие максимально использовать именно современные, наиболее эффективные средства совместной деятельности, общения, особенно тогда,

когда речь идет о реальной просоциальной активности. Безусловно, в этом плане первоочередной интерес вызывает такое средство межличностного контакта, как интернет. Последнее время, к сожалению, в психологическом плане приоритетное внимание приобретают такие исключительно негативные последствия, связанные с расширением влияния на общество его компьютеризации, как интернет-аддикция, «уход в виртуальный мир» и т. д. Значительно меньше существует собственно психологических, а тем более социально-психологических исследовательских разработок, которые бы иллюстрировали дополнительные возможности позитивного влияния на процессы личностного развития и группообразования именно интернет-ресурсов. В то же время в реальной жизненной практике все в большей степени интернет-реальность или, как ее еще называют, виртуальная реальность, все более переплетается с социальной действительностью, не только искусственно и порой социально-мутационно заменяя и извращая ее, но и обогащая, позволяя совершить подлинно инновационные «прорывы» в современном социальном развитии.

Одним из примеров подобного, в том числе и психологического прогресса является достаточно бурно развивающийся процесс создания принципиально нового вида и формы группообразования в рамках современного социума — создание различного рода интернет-сообществ. При этом следует отметить, что такие интернет-сообщества, характеризуясь определенными собственно социально-психологическими, по сути своей, групповыми параметрами жизнедеятельности, могут иметь принципиально

различные размер, степень ригидности границ, социальную направленность и психологически содержательную деятельность.

Цель, методическое обеспечение, контингент исследования

Цель данного исследования состоит в выявлении и анализе социально-психологической специфики интрагруппового структурирования и межличностного восприятия в просоциально направленных и деятельностно ориентированных реальных контактных и в различной степени виртуальных волонтерских сообществах, нацеленных на решение социально-значимых проблем реального социума.

Эмпирическое исследование проводилось в 2008—2011 гг. В качестве эмпирически обследованных групп выступили сообщества трех типов — реально функционирующие контактные группы студентов-волонтеров; группы членов благотворительного фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам» (в относительной степени виртуальные группы); в максимальной степени виртуализированные группы волонтеров (уровень реального «внеинтернетного» контакта членов этих сообществ качественно ниже, чем в группах благотворительного фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам»).

Для эмпирического исследования были подобраны контактные студенческие волонтерские группы, членами которых являются студенты II—IV курсов. Подобный подбор групп студентов-волонтеров был обусловлен как минимум двумя основными причинами.

Во-первых, мы исходили из того, что в целом ряде специально проведенных социально-психологических исследований (Е. В. Емельянова, М. Ю. Кондратьев, Ю. М. Кондратьев, М. Н. Расходчикова, М. Е. Сачкова и др.) было однозначно показано, что I курс — это группы «становящиеся», V — «умирающие», а именно к третьему курсу студенты составляют группы, которые могут быть хотя бы условно оценены как сообщества относительно «зрелые» по такому признаку, как уровень социально-психологического развития. Подобный подбор студенческих волонтерских групп был связан в нашем исследовании с тем, что и две другие категории обследованных групп — в относительной степени виртуальных и в максимальной степени виртуальных — также имели достаточно длительный опыт функционирования, что изначально, конечно, условно, но, по сути дела, априори позволяло нам отнести их к сообществам в социально-психологическом плане достаточно зрелым, безусловно, среди общностей подобного типа.

Во-вторых, в качестве студенческих групп нами были выбраны группы студентов-волонтеров, так как по деятельности направленной обследуемый контингент в этом случае оказывался максимально уравнен, что позволяло интерпретировать результаты сравнения социально-психологических групповых показателей обследованных сообществ всех трех типов через призму степени их виртуальности.

Для достижения цели нашего эмпирического исследования, помимо целенаправленного наблюдения за жизнедеятельностью обследуемых групп, анализа документального материала и кон-

сультаций с компетентными лицами были использованы следующие методики и методические приемы: социометрия [2; 4; 6 и др.], референтометрия [2; 7; 9 и др.], методический прием определения интрагрупповой структуры неформальной власти в контактном сообществе [1; 2 и др.], социально-психологическая модификация техники «репертуарных решеток» Дж. Келли [1; 2; 8 и др.].

Результаты исследования: особенности интрагруппового структурирования

Сразу же отметим, что все три типа обследованных групп имели полную, неусеченную интрагрупповую структуру. Иначе говоря, в задействованных в эмпирическом исследовании сообществах оказались представители высокостатусных, среднестатусных и низкостатусных внутригрупповых «прослоек». При этом следует иметь в виду, что подобная полноценная представленность интрагрупповой разностатусности прослеживается на уровне как интегрального внутригруппового статуса, так и каждой из трех универсально-значимых интрагрупповых структур — структуры аттракционных отношений (социометрический статус), структуры отношений референтной значимости (референтометрический статус), структуры неформальной власти (статусная позиция, фиксируемая с помощью методического приема определения интрагрупповой неформальной структуры власти).

Несмотря на подобное, казалось бы, единообразие полученной эмпирики по поводу факта полноты и неусеченности

интрагрупповой статусной структуры всех трех обследованных типов групп волонтеров, нельзя не заметить и имеющее место определенное качественное отличие. При этом принципиально показателем в этом плане является то, что это отличие абсолютно, т. е. не имеет ни одного исключения артефактного характера. Речь в данном случае о том, что в реальных контактных группах студентов-волонтеров среди низкостатусных членов сообщества всегда присутствуют один-два «изолянта», т. е. такие члены группы, которых либо в аттракционном (социометрическом) плане, либо в плане референтометрических выборов не избирает никто. В группах же в относительной и в максимальной степени виртуальных подобную позицию на момент обследования не занимал ни один из членов этих сообществ. Было бы наивно предполагать, что люди, ориентированные на вступление в виртуальные сообщества волонтеров, все без исключения находят благоприятный эмоциональный и, если так можно выразиться, «референтный» контакт с другими членами виртуального сообщества. Скорее, дело здесь в другом — тот, кто не смог эмоционально и лично «сконтактироваться» с другими членами виртуальной общности, будучи ориентирован жестко на планируемую совместную деятельность, попросту выпадает из подобных групп, понимая, что его эмоционально-личностная отторженность помешает в дальнейшем эффективно реализовывать крайне значимую деятельность, и становится «индивидуалом» или находит для себя другую группу виртуального членства.

Несмотря на то, что, как уже было указано выше, все три типа обследован-

ных групп характеризуются наличием полной, неусеченной статусной структуры, нельзя сказать, что по такому показателю, как количественная соотносительность представителей основных трех статусных категорий в интрагрупповых структурах, эти сообщества не различаются. Так, контактные группы студентов-волонтеров, как правило, характеризуются наиболее традиционной для практически всех таких реально функционирующих сообществ соотношением высокостатусных, среднестатусных и низкостатусных своих членов: примерно равное число студентов-волонтеров, имеющих высокий и низкий интрагрупповой статус, и качественно большая численность среднестатусных членов группы (соотношение высокостатусных, среднестатусных и низкостатусных практически по всем реально функционирующим контактным группам студентов-волонтеров приближается к формуле «0,75—3—1»).

Что касается в относительной степени виртуальных сообществ волонтеров, то здесь соотношение разностатусных членов носит качественно иной характер и приближается к формуле «0,5—4—3». В данном случае практически не существует неформальных высокостатусных членов группы: те единицы, которые имеют заметно более высокий статус, чем остальные, в той или иной степени облечены какой-либо внешне заданной властью. При этом нельзя не заметить и того факта, что среднестатусных членов сообщества не намного больше, чем низкостатусных. В данном случае можно предположить, что в традиционном, общепринятом для понимания низкостатусности плане, когда речь идет о реально функционирующих группах, эти низ-

костатусные члены в относительной степени виртуальном сообществе не являются подлинно низкостатусными со всеми субъективными переживаниями, которые в обычных группах сопровождают осознаваемый факт своего аутсайдерства. В качестве одного из доказательств подобного вывода напомним, что, в отличие от членов достаточно стабильных реально функционирующих групп, члены в относительной степени виртуальных сообществ волонтеров в качественно меньшей степени ориентированы на выстраивание принципиально благоприятных взаимоотношений с другими членами такой общности и в качественно более жесткой степени ориентированы на достижение целей и задач крайне для них лично значимой совместной деятельности. Другими словами, в более упрощенной форме это означает, что подавляющее большинство из них готовы реализовывать свои статусные амбиции в других группах своего членства и чувствуют себя вполне благоприятно в относительной степени виртуальном сообществе практически вне зависимости от своего статуса в нем при условии, что групповая деятельность, в реализации которой они непосредственно участвуют, оказывается в удовлетворяющей их мере эффективной.

Статусный «расклад» в максимальной степени виртуальных сообществах волонтеров заметно отличается как от ситуации в реально функционирующих группах студентов-волонтеров, так и в группах по своему характеру в относительной степени виртуальных. В данном случае типичная схема соотносительности представителей различных «статусных» прослоек приближается к следующему виду: «2–4–0,5». В данном случае есть

практически два качественных различия: во-первых, высокостатусных членов по сравнению с остальными достаточно большое число; во-вторых, низкостатусные члены в подобного рода максимально виртуальных сообществах практически отсутствуют. Такая ситуация объясняется следующими обстоятельствами: а) обедненность реального общения на уровне действительных межличностных контактов членов этих групп позволяет защититься от неизбежного при непосредственном контакте разочарования, что приводит к достаточно высоким показателям взаимности как социометрических, так и референтометрических выборов, кроме того, отсутствие постоянных реальных контактов задает достаточно «плывущую» иерархию властных статусов; б) осознание себя низкостатусным членом в максимально виртуализированном сообществе, как правило, вне зависимости от личностной значимости групповой деятельности подобной виртуальной группы в большинстве случаев толкает ее аутсайдеров на уход из нее и поиск других групп членства, в рамках которых могут быть реализованы цели и задачи подобного аутайдера-«индивидуала». На наш взгляд, именно этими обстоятельствами и объясняется факт неожиданно высокого количества высокостатусных и крайне низкого числа низкостатусных в максимальной степени виртуальных общностях волонтеров.

Понятно, что описанная эмпирика касается интегрального интрагруппового статуса. Иными словами, когда выше мы говорили о высокостатусных, низкостатусных и среднестатусных членах различных обследованных групп, мы имели в виду, что эти статусы носили

именно интегральный характер. Напомним, что интегральный интрагрупповой статус представляет собой, по сути дела, некий обобщенный показатель, выстроенный на основе статусных показателей данного члена сообщества по каждой из трех универсально-значимых интрагрупповых структур — структуры аттракционных отношений (данные получены с помощью социометрической процедуры), структуры отношений референтной значимости (данные получены с помощью использования референтометрической процедуры), структуры неформальной власти в группе (данные получены с помощью методического приема определения неформальной структуры власти в группе).

Совершенно очевидно, что было бы по меньшей мере неоправданным ограничиться при анализе интрагруппового структурирования в трех типах обследованных сообществ исключительно показателями интегрального статуса членов групп, не определив, насколько значимым фактором для завоевания членами исследуемых сообществ той или иной статусной позиции является их статусное положение в каждой из вышеперечисленных трех универсально-значимых интрагрупповых структур.

Сначала о структуре аттракционных отношений. По таким показателям как относительное число позитивных социометрических выборов и число отвержений, степень их взаимности, реальные контактные группы студентов-волонтеров качественно отличаются от и в относительной степени виртуальных сообществ, и общностей, в максимальной степени виртуализированных. При этом число позитивных выборов в реальных контактных группах оказалось значимо

меньшим, чем в относительной степени виртуальных сообществах ($p < 0,05$), и незначимо меньшим, чем в максимально виртуализированных общностях ($t = 1,02$). Качественных различий по данному показателю между в относительной степени виртуальных сообществах и сообществах, в максимальной степени виртуализированных, зафиксировать не удалось. Что касается взаимности положительных выборов, то по социометрической процедуре их оказалось качественно больше именно в реальных контактных группах студентов-волонтеров по сравнению с в той или иной степени виртуальных по своему характеру волонтерских общностей ($p < 0,05$). Как ни парадоксально это может выглядеть на первый взгляд, но именно подобная же картина была зафиксирована и применительно к ситуации с социометрическими отвержениями: наибольшее количество отвержений было зафиксировано в группах в относительной степени виртуальных ($p < 0,1$), а взаимных отвержений оказалось больше в реальных контактных группах студентов-волонтеров ($p < 0,1$).

Если попытаться объяснить представленную эмпирику, то, на наш взгляд, имеет смысл остановиться в этом плане на следующих аргументах.

Во-первых, зафиксирован факт, что в реально функционирующих контактных группах студентов-волонтеров позитивных социометрических выборов меньше, чем в виртуальных группах двух типов, но при этом взаимных выборов и взаимных отвержений в сфере аттракционных отношений оказалось больше всего именно в этих общностях волонтеров-студентов. По нашему мнению, объясняется это тем, что это реаль-

ные контактные группы. Действительные практически ежедневные межличностные контакты в реально функционирующих группах позволяют членам этих сообществ лучше, полнее и содержательно исчерпывающе узнать друг друга в контексте совместной деятельности и общения и при этом достаточно адекватно оценить свою систему межличностных связей, свою позицию в них, чувствовать отношение к себе других членов группы.

Во-вторых, если говорить о двух типах групп виртуального характера (один тип — в относительной степени виртуальных групп волонтеров; второй тип — в максимальной степени виртуальных), то одни из них занимают практически промежуточную позицию в континууме «реальные контактные группы-виртуальные группы», а вторые находятся на одном из полюсов этого континуума, по сути, совпадая со шкальной позицией «абсолютно виртуальные». Своего рода объяснением той эмпирики, которая в сфере аттракционных отношений получена по этим двум типам групп, по нашему мнению, во многом могут служить уже высказанные нами выше утверждения о социально-психологическом характере подобных сообществ: а) группы в относительной степени виртуализированные характеризуются наличием общих целей и задач, мотивированных на реализацию совместной деятельности участников и достаточно эмоционально благополучных и деятельностно эффективных, но при этом ограниченных реальными контактами членов сообщества друг с другом, практически исключая сколько-нибудь жесткое взаимное разочарование (отсюда большое число позитивных социометрических

выборов, невысокий уровень их взаимности и относительно небольшое число межличностных эмоциональных отвержений); б) группы в максимальной степени виртуализированные практически состоят из высокомотивированных на успешность волонтерской деятельности «индивидуалов», жестко не ориентированных на реализацию своих собственно межличностных амбиций именно в этих виртуальных группах своего членства (отсюда и некоторая «размытость», нечеткость собственно аттракционных внутригрупповых показателей каждого из членов этих сообществ, акцентирующих свое внимание и свои усилия практически лишь на деятельностных успехах).

Теперь о структуре отношений референтной значимости. В ходе исследования были осуществлены два варианта референтометрической процедуры, которые различались по стимульному материалу. В первом случае в качестве стимульного материала использовались результаты социометрического опроса и таким образом испытуемые высказывали свое желание ознакомиться с соответствующей карточкой ответа того или иного согруппника, тем самым подтверждая факт его значимости как референтного лица в сфере межличностных внутригрупповых отношений. Во втором случае в качестве стимульного материала были бланки с ответами испытуемых по поводу того, какие собственно деятельностные общегрупповые задачи, на их взгляд, являются наиболее приоритетными. Таким образом, запрашивая в качестве информативно интересующего тот или иной бланк, испытуемый подчеркивает значимость для себя соответствующего согруппника как референт-

ного лица в сфере совместной деятельности.

Полученная в ходе обследования эмпирика, касающаяся анализа референтных отношений в сфере внутригрупповых межиндивидуальных связей, продемонстрировала, что полной, неусеченной референтометрической структурой в этой сфере обладают лишь реально функционирующие группы студентов-волонтеров. Другими словами, только в этих группах представлены референтометрические «звезды», референтометрические предпочитаемые, референтометрические аутсайдеры (включая и референтометрических «изолянтов»). Что касается двух типов в той или иной степени виртуальных сообществ волонтеров, то порой наличествующие в них референтометрические «звезды» в подавляющем большинстве случаев были членами группы, которые в той или иной степени выраженности несли некий официальный статус, делегированный им извне группы, в определенном смысле «сверху». Кроме того, нельзя не отметить, что особенно в максимальной степени виртуальных группах волонтеров более чем в 72 % случаев испытуемые либо вообще не использовали свое право определиться в референтных предпочтениях в сфере внутригрупповых межличностных отношений, либо использовали его не полностью, т. е. ограничивались или одной, или двумя, но никак не всеми тремя предлагаемыми им попытками выбора в референтном плане значимых лиц. В то же время, как ни парадоксально, но именно в той или иной степени виртуальные сообщества, как оказалось, характеризуются большей степенью взаимности своих референтных предпочтений по сравнению с реально функциони-

рующими группами студентов-волонтеров ($p < 0,1$). При более внимательном анализе этих данных и сопоставлении их с эмпирикой, наработанной другими исследователями, становится ясно, что этому факту может быть дано достаточно простое объяснение: а) в принципе степень взаимности референтных предпочтений в сфере внутригрупповых межличностных отношений, как показывают многочисленные социально-психологические наработки, как правило, невысока, если речь идет о реально функционирующих контактных группах среднего уровня социально-психологического развития; б) в связи с тем, что в виртуальных сообществах волонтеров вообще система собственно межличностных отношений по сравнению с деятельностью в виртуальной сфере не слишком развита и не слишком значима для членов группы, можно предположить (на это как раз и указывают полученные данные), что если все же лично значимый контакт во многом вопреки групповым обстоятельствам оказался налаженным, то он достаточно четко осознается участниками этих межиндивидуальных связей и вполне адекватно ими оценивается.

Качественно иную картину мы получаем, анализируя систему референтометрических выборов применительно к сфере групповых деятельностных целей и задач. В данном случае во всех трех типах групп фиксируется наличие полной, неусеченной структуры референтных отношений, другое дело, что практически не удалось зафиксировать качественных различий в позитивных выборах и степени их взаимности по трем типам обследованных сообществ. Вместе с тем нельзя не отметить, что применительно к сфере целей и задач групповой деятельнос-

ти (в отличие от той ситуации, когда референтная значимость исследовалась в отношении сферы внутригрупповых межиндивидуальных связей) представители обоих типов в той или иной степени виртуализированных групп «сверхактивно» использовали все свои возможности по определению референтно значимых лиц (во всех группах в относительной степени виртуальных и в максимальной степени виртуальных при этом замере не было зафиксировано ни одного случая, когда бы испытуемый не использовал все предоставленные ему попытки ознакомиться с экспериментальными бланками своих согруппников с их ответами по поводу целей и задач групповой деятельности).

И, наконец, о структуре внутригрупповой неформальной власти. Напомним, что в процедурном плане определение интрагрупповой структуры неформальной власти осуществлялось с помощью соответствующего методического приема, согласно алгоритму использования которого каждый из испытуемых ранжировал общегрупповой список, дифференцируя согруппников по критерию «степень неформального властного влияния в сообществе». Таким образом, экспериментатор получал как минимум два содержательно информативных пласта эмпирики: во-первых, сведение индивидуальных экспериментальных бланков в единый общегрупповой по принципу вычисления среднеарифметических показателей позволяло оценить характер неформальной властной структуры в каждом из обследованных сообществ; во-вторых, производя пофамильное ранжирование списка, испытуемый по заданному критерию оценивал и свое собственное положение в иерархии нефор-

мальной власти в группе, а результаты первичного обсчета наработанной эмпирики позволяли оценить степень адекватности его самооценки по заданному критерию той позиции, которую ему «отдавали» его согруппники, фиксируя это в каждом из своих собственных опросных листов.

Оказалось, что наиболее четко проявилась дифференциация на высокостатусных, среднестатусных и высокостатусных членов групп в реально функционирующих контактных сообществах студентов-волонтеров. Если сравнивать эти данные с результатами других социально-психологических исследований, выполненных примерно в таком же ключе (Е. В. Емельянова, Ю. М. Кондратьев, Е. О. Кравчино, А. Б. Невеев, М. Е. Сачкова и др.), то можно оценить эти результаты, по сути, как типичные: осуществляя самооценку, испытуемые, как правило, достаточно адекватно оценивали свою позицию в группе по критерию властного влияния, чаще всего попадали именно в «свою» статусную «прослойку» (за исключением ряда низкостатусных, декларирующих свое место во властной иерархии как место среднестатусных); оценивая своих согруппников, они также достаточно четко определяли их принадлежность к конкретной статусной категории и путались порой лишь тогда, когда было необходимо оценивать позицию согруппников, реально находящихся на промежуточной позиции (между слоем высокостатусных и среднестатусных, между слоем среднестатусных и низкостатусных).

Существенно иным образом обстоит дело, если обратиться к эмпирике, наработанной в относительной и в максимальной степени виртуальных группах

волонтеров. Правда, обе эти категории групп объединяет одно — они практически безошибочно и при этом чуть ли не единогласно указывают принадлежность к высокостатусным тех членов сообществ, которым извне, по сути, «сверху», делегирована определенная власть (т. е. практически не делая различий между пониманием неформального влияния и формальной власти). Общим для этих двух типов групп является и то, что низкостатусные члены сообщества почти во всех без исключения случаях позиционируют себя как среднестатусные, а в максимальной степени виртуальных группах — порой и как высокостатусные. Еще один момент, демонстрирующий общность позиций среднестатусных членов этих двух типов групп при самооценке и оценке других среднестатусных согруппников — самого себя они, как правило, ставят в позицию первого из среднестатусных и крайне затрудняются дифференцировать между собой по степени властного влияния в группе остальных объективно среднестатусных членов.

**Результаты исследования:
особенности межличностного
взаимооценивания**

1. Эмоциональный «знак» оценочных суждений и характеристик

Что касается реально функционирующих контактных групп студентов-волонтеров, то оказалось, что они использовали в основном позитивные и негативные оценочные суждения и характеристики (статистически значимых различий не зафиксировано) и существенно меньше давали оценки нейтрального ха-

рактера (и по сравнению с позитивными, и по сравнению с негативными $p < 0,001$). При этом нельзя не отметить еще один немаловажный факт: высокостатусные и низкостатусные студенты-волонтеры (в отличие от среднестатусных) заметно чаще употребляли негативные характеристики при оценке представителей противоположной по отношению к ним статусной прослойки, чем характеристики позитивные, и, наоборот, оценивая себя и подобных себе по статусу, высокостатусные и низкостатусные студенты-волонтеры использовали больше позитивных характеристик, чем негативных (во всех указанных случаях различия статистически значимы, $p < 0,1$).

Объясняя выявленные по реально функционирующим контактным группам студентов-волонтеров зависимости и закономерности, в целом можно утверждать, что они никак не противоречат тем данным, которые были многократно получены другими исследователями при анализе особенностей межличностного восприятия в обычных, средних по уровню своего развития студенческих группах. В то же время если именно таким образом обстоит дело, когда речь идет об общей тенденции, то нельзя не заметить, что степень ее «отчетливости» в данном случае как бы излишне выражена, подчеркнута: общая для типичных студенческих групп тенденция получает свою дополнительную «подпитку» в связи с тем, что подкрепляется как бы из двух источников — из системы отношений в студенческой учебной группе и от системы взаимоотношений непосредственно в группе студентов-волонтеров, статус членов которых в таких «меж-

курсовых» сообществах порой напрямую связан с продолжительностью обучения в вузе.

Качественно иная картина в плане использования испытуемыми различных по своему эмоциональному «знаку» оценочных суждений в процессе межличностного взаимовосприятия характеризует ситуацию в обоих типах виртуальных групп — группах, в относительной степени виртуальных, и в группах, в максимальной степени виртуальных. При этом в группах каждого из этих типов положение дел обстоит специфическим образом.

Что касается в относительной степени виртуальных групп волонтеров, то здесь была зафиксирована следующая закономерность: в целом по этим группам испытуемые в процессе взаимооценки и решения задачи определения межличностного «сходства-различия» чаще всего используют позитивные оценочные суждения и характеристики (позитивных больше, чем негативных, — $p < 0,001$; позитивных больше, чем нейтральных, — $p < 0,05$), а реже всего — негативные оценочные суждения и характеристики (негативных меньше, чем нейтральных, — $p < 0,05$). В данном случае, на наш взгляд, стоит специально отметить, что высокостатусные члены в относительной степени виртуальных сообществ волонтеров достаточно отчетливо ориентированы на использование в качестве приоритетных в процессе межличностного взаимовосприятия нейтральных оценочных суждений и характеристик (нейтральных больше, чем позитивных, и больше, чем негативных, — $p < 0,25$).

Что касается в максимальной степени виртуальных групп волонтеров, то

члены этих сообществ в процессе взаимооценки и решения задачи межличностного «сходства-различия» используют, в первую очередь, нейтральные оценочные суждения и характеристики (нейтральных больше, чем позитивных, — $p < 0,001$; нейтральных больше, чем негативных, — $p < 0,001$; позитивных больше, чем негативных, — $p < 0,01$).

Интерпретируя зафиксированные в двух типах виртуальных групп закономерности, характеризующие эмоциональный «знак» используемых испытуемыми оценочных суждений, на наш взгляд, следует базироваться на следующих позициях. В отличие от реально функционирующих контактных групп студентов-волонтеров, в той или иной степени виртуальных группах волонтеров испытуемые пользовались нейтральными оценочными суждениями и характеристиками в процессе межличностного восприятия своих одноклассников. Безусловный интерес, по нашему мнению, представляет собой тот факт, что, в отличие от реально функционирующих контактных групп студентов-волонтеров, испытуемые — члены обоих типов виртуальных сообществ при взаимооценках откровенно редко использовали негативные оценочные суждения и характеристики. На первый взгляд, может сложиться впечатление, что эти сообщества представляют собой группы с более высоким уровнем социально-психологического развития, чем реально функционирующие контактные общности студентов-волонтеров. Но это лишь на первый взгляд. В действительности же картина прямо противоположная (на что указывают показатели ценностно-ориентации

онного единства в соответствующих группах). Испытуемые виртуальных групп в качественно меньшей степени, чем члены контактных групп студентов-волонтеров, ориентированы на межличностные отношения, будучи центрированы исключительно на деятельностные цели. Кстати, практически это же объяснение может быть использовано при обсуждении того факта, что высокостатусные члены в относительной степени виртуальных групп особенно активно используют нейтральные характеристики при оценке своих одноклассников: как правило, высокий статус этих испытуемых в существенной мере обусловлен делегированием им особых полномочий «сверху», что дополнительно ориентирует их на повышенное внимание к задачам не межличностного, а собственно деятельностного характера.

2. Деятельностная «привязка» оценочных суждений и характеристик

В рамках данного исследования стояла задача в содержательном плане дифференцировать весь массив эмпирики, касающийся оценочных суждений и характеристик, для чего были задействованы эксперты-психологи из числа наиболее опытных членов профессорско-преподавательского состава МГППУ (всего 15 человек).

В результате экспертных оценок весь эмпирически полученный массив оценочных суждений и характеристик, используемых испытуемыми (членами всех трех типов обследованных групп), был дифференцирован и были выделены три категории суждений и характеристик, которые имеют функционально-деятельностную содержательно-психоло-

гическую «привязку» (условно обозначим их как «межличностные» и «деловые», а также «гендерные и внешнего вида»).

Что касается реально функционирующих контактных групп студентов-волонтеров, то члены этих сообществ при взаимооценивании друг друга практически с одинаковой степенью интенсивности использовали и «межличностные» характеристики (коммуникабельный, дружелюбный, враждебный, конфликтный, отзывчивый и т. п.), и «деловые» характеристики (трудоголик, фанат в работе, отличный партнер в деле, лентяй, никогда не берет на себя ответственность и т. п.), при этом статистически значимых различий зафиксировано не было. Отметим, что третья категория суждений и характеристик (мужчина, женщина, высокий, красивая, голубоглазая, лысый и т. п.) членами этих групп использовалась всего в 11,3 % случаев, т. е. качественно реже, чем суждения и характеристики первых двух категорий (в обоих случаях различия статистически значимы; $p < 0,001$). Кроме того, если речь идет о реально функционирующих контактных группах студентов-волонтеров, небезынтересно специально отметить, что существует достаточно четко выраженная прямая взаимосвязь статуса оцениваемого и количества «деловых» характеристик, ему приписываемых: чем выше статус оцениваемого, тем большее число «деловых» оценочных суждений используется при описании этих членов групп студентов-волонтеров ($p < 0,1$).

При обследовании аналогичным образом в относительной степени виртуальных групп выяснилось, что здесь фиксируется следующая зависимость:

«деловых» характеристик используется существенно больше, чем «межличностных» ($p < 0,05$), и они используются чаще, чем оценочные суждения «гендерные и внешнего вида» ($p < 0,001$). Еще более выражена эта тенденция в максимальной степени виртуальных группах волонтеров. Другими словами, закономерность «деловых» > «межличностных» > «гендерных и внешнего вида» в данном случае остается неизменной, но степень выраженности ее принципиально меняется: «деловых» > «межличностных» ($p < 0,001$); «деловых» > «гендерных и внешнего вида» ($p < 0,001$); «межличностных» > «гендерных и внешнего вида» ($p < 0,01$).

Итак, полученные эмпирические данные однозначно демонстрируют приоритет именно «деловых» оценочных суждений при взаимооценивании своих одноклассников членами в той или иной степени виртуальных групп волонтеров (понятно, что наиболее ярко выражен подобный оценочный подход, когда речь идет о максимально виртуализированных сообществах волонтеров).

3. Качества «окончательного вывода» при взаимооценивании членов обследованных групп

Полученные эмпирические данные демонстрируют следующую картину использования качеств «окончательного вывода» испытуемыми — членами обследованных групп — при взаимооценивании и межличностном восприятии своих сокурсников. Напомним, что термин «качества окончательного вывода» был введен в научно-психологический лексикон для обозначения описывающих реципиента оценочных суждений и характеристик, которых перцепиенту

оказывается вполне достаточно для окончательной оценки личности реципиента и завершения личностного анализа [1].

Следует сразу подчеркнуть, что в целом по всей выборке испытуемых качества «окончательного вывода» использовались достаточно редко — 4,6 % оценочных суждений и характеристик. Однако и частота их применения, и их качественные особенности в заметной степени разнятся, если учитывать каждый из трех типов обследованных групп.

Так, представители реально функционирующих контактных групп студентов-волонтеров в ситуациях взаимооценивания и межличностного восприятия существенно реже, чем другие испытуемые, использовали качества «окончательного вывода» — 2,3 % оценочных суждений и характеристик. При этом в данных группах использовались качества «окончательного вывода» преимущественно «межличностные», негативные и описывающие в основном низкостатусных членов сообщества.

Заметно чаще, чем в только что упомянутом типе групп, качества «окончательного вывода» применялись членами в относительной степени виртуальных групп волонтеров — 4,4 % оценочных суждений и характеристик. При этом в данных группах использовались качества «окончательного вывода» в основном «деловые» и частично «межличностные», «деловые» — преимущественно позитивные, а «межличностные» — чаще всего негативные. Интересным является и тот факт, что статусная принадлежность в этих сообществах никак не сопряжена с использованием качеств «окончательного вывода».

Что касается в максимальной степени виртуальных групп, то их члены принципиально чаще, чем представители других типов обследованных сообществ, использовали качества «окончательного вывода» — 7,1 % оценочных суждений и характеристик. При этом в данных группах применялись исключительно «деловые» качества «окончательного вывода» как позитивные, так и негативные (примерно 3:1). Немаловажным является и то, что в максимальной степени виртуальных сообществах волонтеров также, как и в группах в относительной степени виртуальных, факт статусной принадлежности никак не сопряжен с использованием качеств «окончательного вывода».

Выводы

В континууме «реально функционирующая контактная группа — в максимальной степени виртуальная группа» в социально-психологическом содержательном плане качественно значимую «срединную» позицию занимают в относительной степени виртуальные группы.

Несмотря на то что в обследованных сообществах всех трех типов интрагрупповая статусная структура имеет полный, неусеченный вид, она характеризуется качественной спецификой в зависимости от того, о каких сообществах идет речь (реально функционирующих контактных, в относительной степени вир-

туальных или в максимальной степени виртуальных). При этом качественные различия имеют место по таким параметрам, как количественное соотношение представителей внутригрупповых статусных «прослоек»; количество позитивных межличностных выборов и отвержений; уровень взаимно позитивных межличностных выборов и отвержений; степень адекватности оценки своей позиции во внутригрупповой иерархии неформальной власти.

Степень виртуальности просоциально направленных и деятельностно ориентированных групп волонтеров задает определенный характер используемым в процессе взаимооценки и межличностного восприятия оценочных суждений: используемый список этих характеристик качественно различается в группах трех обследованных типов по таким параметрам, как эмоциональный «знак», «привязка» к сфере групповой активности, количество качеств «окончательного вывода».

Выявленные закономерности и зависимости «работают» лишь применительно к таким в той или иной степени виртуальным группам, которые можно охарактеризовать как просоциально направленные и деятельностно ориентированные, но при этом батарея использованных методических процедур может применяться при исследовании других типов виртуальных сообществ, если исследовательские задачи носят социально-психологический характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кондратьев М. Ю.* Социально-ролевая детерминация межличностного восприятия в группах трудновоспитуемых подростков и юношей: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1983.
2. *Кондратьев М. Ю., Ильин В. А.* Азбука социального психолога-практика. М., 2007.
3. *Кондратьев М. Ю., Кондратьев Ю. М.* Психология отношений межличностной значимости. М., 2006.
4. *Морено Дж.* Социометрия. М., 1958.
5. *Орлова Т. Е.* Динамика взаимодействия в виртуальных командах: Дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2006.
6. *Паниотто В. И.* Структура межличностных отношений. Методика и математические методы исследования. Киев, 1975.
7. Психологическая теория коллектива / Под ред. А. В. Петровского. М., 1979.
8. *Франселла Ф., Банистер Д.* Новый метод исследования личности. М., 1987.
9. *Шедрина Е. В.* Значимый круг общения и способы его экспериментального выявления // Социально-психологические проблемы формирования личности и учебно-воспитательного коллектива. М., 1975.

Itragroup Structuring and Interpersonal Perception in Real Contact and Virtual Volunteer Groups

M. YU. KONDRATYEV

Doctor in Psychology, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, dean of the Social psychology faculty of the Moscow State University of Psychology and Education

O. A. LYUBIMOVA

educational psychologist, Department of Methodical Support for the Educational Psychology Service, Moscow State University of Psychology and Education

The article presents results of a study on the itragroup structuring and interpersonal perception in three types of groups that differ by the degree of virtuality: 1) really functioning groups of volunteers, 2) relatively virtual groups of volunteers and 3) maximally virtual groups of volunteers. The results indicate that the degree of virtuality of these communities determines both the nature of informal itragroup structure and peer assessment features in such groups. Another important result of the study demonstrated that in the continuum of “a real, functioning contact group — a maximally virtual group” a significant “middle” position in terms of socio-psychological content is occupied by the relatively virtual groups. Additionally, it was shown that the degree of virtuality of pro-socially oriented volunteer groups to a great extent determines the characteristics of their unity.

Keywords: *virtual group, intragroup structuring, interpersonal perception, status, attraction, reference, informal power, quality of the “final output”.*

REFERENCES

1. Kondrat'ev M. Yu. Social'no-rol'evaya determinatsiya mezhlichnostnogo vospriyatiya v gruppah trudnovospituemykh podrostkov i yunoshei: Diss. ... kand. psihol. nauk. M., 1983.
2. Kondrat'ev M. Yu., Il'in V. A. Azbuka social'nogo psihologa-praktika. M., 2007.
3. Kondrat'ev M. Yu., Kondrat'ev Yu. M. Psihologiya otnoshenii mezhlichnostnoi znachimosti. M., 2006.
4. Moreno Dzh. Sociometriya. M., 1958.
5. Orlova T. E. Dinamika vzaimodeistviya v virtual'nykh komandah: Diss...kand. psihol. nauk. SPb., 2006.
6. Paniotto V. I. Struktura mezhlichnostnykh otnoshenii. Metodika i matematicheskie metody issledovaniya. Kiev, 1975.
7. Psihologicheskaya teoriya kollektiva / Pod red. A. V. Petrovskogo. M., 1979.
8. Fransella F., Banister D. Novyi metod issledovaniya lichnosti. M., 1987.
9. Shedrina E. V. Znachimyi krug obsheniya i sposoby ego eksperimental'nogo vyyavleniya // Social'no-psihologicheskie problemy formirovaniya lichnosti i uchebno-vospitatel'nogo kollektiva. M., 1975.